
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

АРСЕНАЛ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. Арсенал психологического знания чрезвычайно обширен. Прежде всего, эта профессия хранит в себе огромное достояние философской рефлексии. Она наследует глубочайшее знание, которое было накоплено на протяжении многих веков мыслителями разных народов и исторических эпох. Развиваясь в лоне философии, психология, еще не став самостоятельной наукой, приобрела множество поразительных открытий, связанных с феноменом психического. Она вместе с тем пыталась понять, что представляет собой человек как особый род сущего. Да, человек, прежде всего, может быть назван животным. Ведь он имеет биологическую природу, инстинкты, представляет собою некий природный организм. Однако он не просто развитое животное, возвысившееся над более простыми представителями биологических экземпляров. В нем есть нечто, что в известной степени возвышает его над царством природы. Он создал феномен, которого не было в естественной среде — культуру. Он оказался творением и творцом этого величайшего достояния человечества.

Ключевые слова: психология, философия, природа, культура, человек, умозрение, физиология, психиатрия, сознание, этика.

Человек принадлежит и природе, и культуре. Он поэтому рассматривается как такое создание, аналогов которому нет в природе. Но это еще не все, что можно сказать о нем. Человек обладает сознанием. Он во многом выломился из уз инстинктов, выстроил самостоятельный проект выживания. В человеке обнаруживается обширный клад психологических состояний. Он испытывает страхи, восторги, трепет, вдохновение, вершинные состояния духа. В нем невероятным, пока непостижимым путем закрепилось трансцендентное чувство, то есть убеждение в том, что за пределами нашего физического мира есть еще какой-то духовный мир, к которому едва ли не мистически тянется душа человека.

Психология, став самостоятельной наукой, не отбросило в сторону эти философские представления, накопленные пока без эмпирической проверки, без опоры на эксперимент, добытые путем отвлеченного умозрения. Но она попыталась переосмыслить их применительно к предмету психологического знания, развить их глубже, соотнести с такими понятиями, как психика, душа, дух. Наконец, психологии попытались обогатить эти сведения конкретными практическими исследованиями, чтобы разрешить сомнения, догадки, интуитивные прозрения относительно человека и его внутреннего мира.

Но философия не единственный союзник психологии. Огромную роль в ее развитии сыграла физиология. В конце XIX в. она активно вторглась в пространство психологии, чтобы понять происхождение многих психических состояний, преодолеть смутность и неотчетливость ряда накопленных выводов, поставить психологию на научную почву и радикально преобразить контуры и радиус этой увлекательной науки. Психологи отныне пытаются проникнуть в тайны мозга, раскрыть динамику психических процессов, выявить причинно-следственные связи, которые определяют мир мысли, переживаний и воображения.

Психология, прежде всего, — наука о человеческом сознании. Осознав возможности разума, исследователи обратились к изучению той сферы нашей внутренней жизни, которая смутно воспринимается инстинктом, не полностью улавливается нашими чувствами. Психологов можно назвать рыцарями разума. Подчас они намеренно отдаляют от себя воображение и эмоции, чтобы дать простор расчленяющей мысли. Исследователи стараются опереться на факты, на точные и бесчисленные наблюдения. Они исходят из того, что мольбы, обращенные к небу, к неким высшим силам, молитвы, все моральные силы человека бессильны перед волей природы. Человек, по словам бельгийского драматурга и поэта Мориса

Метерлинка, «теряет иллюзию, чтобы обрести достоверность»¹.

Но психология опирается не только на разум. Она активно осваивает бездонное пространство человеческих эмоций во всем многообразии их неожиданных обнаружений. Она исследует роптания души, подсказки интуиции, духовные порывы человека. Она активно осваивает собственное пространство, на котором ощущает себя властелином. Сошлемся на пример, который приводит русский философ Владимир Сергеевич Соловьев. Он рассуждает так: вот случилось убийство. Этот поступок можно оценивать по-разному. Криминалист изучает данный факт как деяние, нарушившее чужое право и незаконно прервавшее чью-то жизнь. В меньшей степени он интересуется психологическими моментами, которые определили наличность преступного намерения. Разумеется, криминалист изучает субъективные аспекты злодеяния, но, по словам русского философа, исключительно лишь по отношению к факту убийства. Если человек дышит адской злобой, но при этом ни кого не тронул, не нанес никаких увечий, не лишил другого индивида жизни, то криминалист не усматривает здесь для себя особого интереса.

Иное дело психолог или этик. Для них «самый незначительный порыв злобы и гнева, хотя бы он не выразился не только в деле, но в слове, есть уже сам по себе прямой предмет для этического суждения и осуждения, а факт убийства, наоборот, имеет здесь значение вовсе не с предметной своей стороны, а лишь как выражающий крайнюю степень напряженности того злого чувства, которое уже само по себе на всех своих степенях подлежало обсуждению»². Но психолог не ограничивается моральным суждением. Он изучает страсть гнева, меру сострадательности, пассивность или активность духа. Он исследует все, что относится к внутреннему миру человека.

В конце XIX в развитии психологии произошел радикальный переворот. К изучению психических процессов подключились физиологи. Стало очевидно, что любые соматические воздействия на психику реализуются через головной мозг. Доступные наблюдению мозговые процессы — так называемые органические заболевания мозга — почти всегда меняют ход психической жизни. То, что мозг — вместилище души (психики), далеко не всегда считалось очевидной истиной. Уже Алкмеон

(около 500 г. до н.э.) знал, что мозг — это орган восприятия и мышления. Но вопрос о том, каким образом мозг связан с психикой и каков смысл утверждений вроде «мозг — вместилище души», оставался полным загадок.

«В древности люди наивно предполагали, — писал К. Ясперс, — существование «пневмы» («духа») — этой, так сказать, тончайшей из всех материй, с которой отождествлялась также и душа. «Пневма» представлялась чем-то таким, что способно распространяться по мозгу и артериям со скоростью молнии, что присутствует везде и одновременно в определенном месте. Декарт, считая психику чем-то нематериальным, связывал ее со шишковидным телом, тогда как Земмеринг локализовал «пневму» психической субстанции в жидкости желудочка мозга. На все это Кант ответил утверждением, что душу в принципе нельзя считать чем-то материальным — пусть даже самым что ни на есть «тончайшим», имеющем свое вместилище в пространстве»³.

Кант действительно поставил вопрос о месте души как требование метафизики. Согласно Канту, душа может мыслиться только во временных, но не в пространственных категориях, у нее могут быть «инструменты», но не может быть никакого «вместилища». Кант отмечал, что «инструменты» души должны иметь определенную внутреннюю организацию, то есть они ни в коем случае не могут представлять собой жидкость. «Между тем душа может воспринимать саму себя, — писал Кант, — только посредством внутреннего чувства, тело же (происходит это внутренне или внешне) — только посредством внешних чувств; тем самым душа никак не может определить свое место, так как для этого ей пришлось бы сделать саму себя предметом собственного внешнего созерцания и выйти за пределы самой себя, что является противоречием»⁴.

Единственная до сих пор засекреченная сфера человеческого существования — психика. Душу пытались взвесить, сфотографировать, измерить, поймать. А если бы ухитрились, то, наверняка, заспиртовали бы и показывали в музее. Но до препарирования дело так и не дошло. Однако кое-какие манипуляции с человеческой подноготной специалисты проделывать все-таки научились. Психику уже могут не только прощупывать, но и подправ-

¹ Метерлинка Морис. Разум цветов. М., 1995. С. 68.

² Соловьев В.С. Соч.: в 2-х т. М., 1988. Т. 1. С. 109.

³ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 582.

⁴ Кант И. Об органе души // Кант И. Собр. соч. в 8-и т. М., 1994. Т. 8. С. 223-224.

лять. Физиологи XIX в. опирались на взгляды Р. Декарта, который оказал значительное воздействие на французских материалистов XVIII в. В частности, врач Ж.О. Ламетри в своих работах «Естественная история души» (1745) и «Человек-машина» (1747) утверждал, что между умом животных и умом человека существует лишь количественное различие. По словам Ламетри, поведение животного есть не что иное, как результат отражения внешних условий на мозговом экране. Мышление, по его мнению, есть проявление деятельности нервной системы. Эти идеи оказали влияние на философа и врача XVIII в. Ж.П. Кабаниса. В книге «Отношения между физической и нравственной природой человека он отметил центральное место ощущений в восприятии реальности. Поскольку шла Французская революция и многие ее деятели были обезглавлены возник и практический вопрос — сознает ли что-либо обезглавленная жертва? Кабанис полагал, что сознание зависит от мозга, а душа — от тела. Сходные взгляды развивали и английские философы той эпохи, например, Д. Гартли. Он считается основоположником ассоциативной психологии. Гартли также выводил психические феномены из ощущений, которые и обуславливают психическую жизнь. Сами психические процессы Гартли связывал с физиологией человека.

Эта «вибрационная» теория способствовала формированию учения об «ассоциации идей». Американский психиатр Д. Раш утверждал, что психическая деятельность есть следствие работы органов чувств и мозга, который способен формировать образы объектов. Оценивая эти проблемы, К. Ясперс писал: «Мы мыслим душу как нечто разбитое на бесчисленное множество элементов, движущихся сквозь сознание друг за другом и оставляющих за собой определенные внесознательные диспозиции, через которые они могут в дальнейшем опять вернуться опять в сферу сознания. Все события психической жизни происходят либо в силу действия внешних стимулов, либо в силу актуализации или возрождения тех диспозиций, которые были приобретены в результате воздействия прежних стимулов»⁵.

И.М. Сеченов в 1863 г. в гениальном труде «Рефлексы головного мозга» попытался представить физиологические механизмы этой деятельности. Он был глубоко убежден в том, что первоначальная причина всякого поступка лежит всегда во внешнем чувственном возбуждении, потому что без него

никакая мысль невозможна, следовательно, всякое воздействие извне на человека и ответная деятельность человека находится в причинной связи. Связь эта осуществляется через головной мозг — по типу рефлекторной реакции.

И.М. Сеченов впервые аргументировано доказал, что психические процессы должны стать объектом физиологического изучения. Эту мысль Сеченов развил и обосновал в статье «Кому и как разрабатывать психологию?». Он писал, что все психические акты, совершающиеся по типу рефлексов, должны быть подвергнуты физиологическому исследованию. К сфере физиологии относилось непосредственное начало рефлекса, чувственное возбуждение, вызываемое извне, и конец — движение, но физиология должна изучать и середину рефлекторного акта, т.е. «психический элемент в тесном смысле слова», который очень часто, если не всегда, оказывается, по существу, не самостоятельным явлением, а интегральной частью всего процесса в целом. Согласно его взгляду, мысль — это рефлекс с заторможенным эффекторным концом, а аффекты — усиленные рефлексы в результате повышенного процесса возбуждения.

Эти оригинальные идеи были творчески развиты Павловым, сосредоточившим всё внимание на психическом элементе, на интегральной части (по Сеченову) рефлекторного процесса, благодаря изменчивости которой организм — относительно замкнутая система — может активно приспосабливаться к среде, «уравновешивать» её. Основные законы работы головного мозга, раскрытые И.П. Павловым, подтверждают гениальные предвидения И.М. Сеченова. И.П. Павлов считал, что главным «толчком» к его решению — объективно изучать работу головного мозга — послужило испытанное в юношеские годы «влияние талантливой брошюры Сеченова, отца русской физиологии, под заглавием «Рефлексы головного мозга» (1863).

Физиологические исследования, которые вдохновили и направляли новую психологию, относятся к концу XIX столетия. Естественно, и у этих изысканий была своя предтеча — более ранние работы, на которые они опирались. Физиология стала экспериментальной дисциплиной в 30-х годах прошлого столетия — главным образом под влиянием немецкого физиолога Иоганнеса Мюллера, отстаивавшего применение экспериментальных методов в физиологии. Мюллер занимал престижную должность профессора анатомии и физиологии в Берлинском университете. Как ученый, он был феноменально плодовит: из-под его пера, в среднем, выходило по

⁵ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 205.

одной научной работе каждые 7 недель; он поддерживал этот темп в течение 38 лет — пока однажды не кончил жизнь самоубийством во время приступа депрессии.

До конца XVIII в. психиатрия, по существу, оставалась частью медицины. К. Ясперс писал, что в течение этого века вышло множество трудов по психиатрии. Но они всего лишь подготовили почву для более выдающихся достижений — притом, что общий объем знания за это время чрезвычайно возрос. Любопытно, что за тысячелетия существования цивилизации душевнобольные не считались особой научной проблемой и не обследовались в практических целях⁶. Только за последние три века реальность душевных болезней, как граничащая зона «человеческого», была воспринята во всей серьезности.

В конце XIX в. возникла потребность в систематизации накопленного опыта. Отныне психиатрия уже не рассматривалась как описание только лечебной практики. Она становилась самостоятельной областью психологического знания.

Психиатрия XIX в. заложила основы для изучения психопатологии современной цивилизации. У истоков научной психиатрии стоит внушительная фигура Жана Этьена Доминика Эскироля. Его взгляды и наблюдения определили развитие психиатрии на несколько десятилетий вперед. К. Ясперс считал его тонким наблюдателем. Именно он заложил основы общепринятой статистики, при которой учитываются такие показатели, как возраст, пол, зависимость от времени года, смертность. Именно он открыл ряд закономерностей, которые затем стали неоспоримыми.

В начале XIX в. был термин для психически больного — помешанный, умалишенный. Бурный рост промышленности и достижения естественных наук привели к росту ценности жизни. Внимание врачей привлекала возможность лечения помешанных, возникли попытки классификации психических болезней. Так, немецкий психиатр Карл Кальбаум описал кататонию у молодых пациентов.

Как правило, психопатология вначале имеет дело с отдельными, изолированными явлениями, — такими, как галлюцинация, скачка идей, бредовые идеи. Мы мыслим эти явления по отдельности, а затем задаемся вопросом о том, что они могут иметь общего — например, при какой болезни они выступают совместно? Но в действительности каждое из них, будучи обнаружено в связи с различными

болезнями, выказывает множество разнообразных нюансов. Последние состоят не только в большей или меньшей степени развития — в характере тех изменений, которым подвергаются события психической жизни и которые проистекают отчасти из различий между отдельными индивидами, отчасти же — из психических изменений самого общего характера.

Во многих случаях мы скорее чувствуем эти нюансы, нежели можем их внятно сформулировать. Если бы психические явления были структурами, лишёнными гибкости и во всех случаях поддающимися однозначной идентификации, каждую отдельно взятую нозологическую единицу уместно было бы рассматривать как мозаичную картину, составленную из множества элементов, — причем в составе различных «мозаик» обнаруживались бы одни и те же элементы. Нам осталось бы только снабдить эти, в общем одинаковые элементы определенными наименованиями, выяснить, при какой болезни тот или иной элемент обнаруживается особенно часто, и поставить диагноз путем суммирования частотных показателей для всех элементов.

Этот «мозаичный» метод (нередко используемый в рудиментарной форме) ложен, поскольку превращает психопатологическое исследование в диагноз в нечто сугубо механическое и приводит любые выявленные в процессе анализа данные к безнадежно «застывшему» состоянию. Многие начинающие исследователи выказывают склонность именно к такому методу, ибо он относительно понятен и ему легко научиться. Очень важно устоять перед соблазном этой слишком легко дающейся простоты и постараться вместо предназначенного для механической зубрежки перечня симптомов разнообразить и дифференцировать точки зрения.

Для незапамятных времен самым важным для клиницистов был вопрос о том, каким именно образом сочетаются отдельные симптомы в каждом отдельном случае? С какой именно болезнью, — иначе говоря, с какой нозологической единицей — мы имеем дело? Какие вообще существуют нозологические единицы? Будучи аналитиком, психиатр, так сказать, расщепляет каждый отдельный случай по всем возможным направлениям. Но будучи в то же время клиницистом, он хочет поставить диагноз. Любые явления суть для него симптомы болезни. Конкретная нозологическая единица имеет свои симптомы. Эти симптомы ожидаемы и дают возможность прийти к определенному выводу от-

⁶ Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997. С. 1005.

носителем того, какая именно болезнь кроется за ними. Итак, самое главное — узнать, что кроется за симптомами.

На вопрос о том, что такое нозологическая единица в психиатрии, существует два принципиально различных ответа. Надо сказать, что эти ответы были известны еще в древности.

Нет сомнения в том, что студента, который хочет посвятить себя психологии, интересует поведение человека во всех его обнаружениях. Он хочет понять мотивы человеческой активности, законы психики, человеческие влечения и страсти, глубинные импульсы психики и возвышенный характер духовной жизни людей.

Список литературы:

1. Гуревич П.С. Философская интерпретация человека. М., 2013.
2. Кант И. Об органе души // Кант И. Собр. соч. в 8-и т. М., 1994. Т. 8.
3. Метерлинк Морис. Разум цветов. М., 1995.
4. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х т. М., 1988. Т. 1.
5. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997.

References (transliteration):

1. Gurevich P. S. Filosofskaya interpretatsiya cheloveka. M., 2013.
2. Kant I. Ob organe dushi // Kant I. Sobr. soch. v 8-i t. M., 1994. T. 8.
3. Meterlink Moris. Razum tsvetov. M., 1995.
4. Solov'ev V.S. Sochineniya v 2-kh t. M., 1988. T. 1.
5. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. M., 1997.